На протяжении всего столетия обвиняемые в плагиате авторы в своих защитительных речах прибегали к одним и тем же аргументам. Наиболее полно они представлены в наследии Сумарокова, который на только что приведенный выпад Тредиаковского ответил отдельной статьей, в которой, в частности, писал: «Хорев, говорит он, взят весь из Корнелия, Расина и Вольтера, а паче из Расиновой Федры. Это не правда, а что есть в ней подражании, а стихов пять-шесть есть и переводных, что я и укрывать не имел намерения для того что то ни мало не стыдно. Сам Расин, сей великий стихотворец и преславный трагик, в лучшие свои трагедии взял подражанием и переводом из Еврипида в Ифигению *** стихов, в Федру *** стихов, чего ему никто не поставит в слабость, да и ставить невозможно.

Гамлет мой, говорит он, не знаю от кого услышав, переведен с французской прозы аглинской Шекеспировой трагедии, в чем он очень ошибся. Гамлет мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекеспирову трагедию едва-едва походит.

Эпистола моя о стихотворстве, говорит он, вся Боалова, а Боало взял из Горация. Нет: Боало взял не все из Горация, а я не все взял из Боало. Кто захочет мою эпистолу сличить с Боаловыми о стихотворстве правилами, тот ясно увидит, что я из Боало, может быть, не больше взял, сколько Боало взял из Горация, а что нечто из Боало взято, я в том и запираться никогда не хотел».[21]

Таким образом, Сумароков полемически заостренно защищал себя и теорию «подражания авторам» ссылками на опыт тех же самых авторов и на длительную европейскую традицию, тогда как роль отдельных переведенных мест (по Тредиаковскому, «похищенных») им явно преуменьшалась; более того, он даже утверждал, что «укрывать не имел намерения» того обстоятельства, что «есть в ней подражании, а стихов пять-шесть есть и переводных», тем не менее ранее он этого не сделал.

Сходные и даже те же самые аргументы в свою защиту приводили во второй половине столетия и другие писатели. Во время развернувшейся полемики о допустимости приема «склонения на

жей» писал: «Я чаю, всяк из сего усмотреть может, понапрасну ли я его чужею мыслию упрекаю, в чем, уповаю, он и сам согласится, что то для человека, который сам творцом слыть тщится, весьма нехвально, хотя нам несколько и позволяется последовать таким, которых все в рассуждении особливых достоинств почитают и которым мы подражаем для красоты вымыслов или по нужде ⟨...⟩ но точно чужое, как бы красно и всем приятно ни было, отнюдь своим назвать не только не позволительно, но весьма непристойно и позорно» (Поэты XVIII века. Т. 2. С. 380).

[21] *Сумароков.* Стихотворения. Л., 1935. С. 363.